
ЗАЧЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ЧИНОВНИК?

А.А. Ипатова

Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
Факультет иностранных языков и регионоведения
МГУ им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский пр-т, 31-1, Москва, Россия, 119192

В статье анализируется слово «чиновник», фактически переставшее быть исторической реальией после распада Российской империи. Тем не менее век спустя в современном русском языке это слово активно используется, причем чаще всего в негативном контексте. Автором была предпринята попытка выявить причины появления нового, переносного значения слова «чиновник», а также сформулировать основные смысловые компоненты этого понятия. Эмпирическим материалом для статьи послужили отрывки реальных интервью с государственными и муниципальными служащими, посвященные их отношению к самому слову «чиновник», а также тому отношению, которое они ощущают на себе от «простых» людей.

Ключевые слова: чиновник, чиновничество, государственный и муниципальный служащий, отношение к власти.

Со второй половины XX в. количество работ, посвященных государственно-политической истории разных уровней российского чиновничества, неизменно растет. Конечно, исследованием государственного аппарата традиционно занимаются юристы, историки. Но тут есть место и социологам. Стоит отметить, что сам термин вышел из официального оборота после революции, но в речи и печати он активно используется до сих пор. Кого же называют чиновником сегодня, если в официальной терминологии это слово отсутствует?

Слово «чиновник» берет свое начало от устаревшего прилагательного «чиновный», которое, в свою очередь, произошло от слова «чин». Этимологический словарь русского языка датирует употребление в древнерусском и старославянском слова «чинъ» в качестве «должности», «сана» с XI в. [13. С. 390]. В этимологическом отношении слово «чин» связано с общеславянским «*čĭnъ*», означающим порядок. Важно отметить, что «чиновником» называли и богослужебную книгу, в которой были перечислены «чины» различных служб по византийскому образцу для архиерейского богослужения (полное название «Чиновник архиерейского богослужения»). В этом значении, омонимичном чиновнику как государственному служащему, это слово употребляется и сегодня, но, очевидно, что сфера его употребления довольно узка. В царской России чиновниками именовались государственные служащие, имеющие чин. Это «сословие» выделилось после принятия Петром I «Табели о рангах» в 1722 г. «Табель о рангах» — это «расположенный в строгой иерархии список чинов военного, гражданского, придворного, горного ведомств, а также ученых степеней» [9. С. 762]. Согласно Табели все чины государственных служащих делились на 14 классов. Табель о рангах — концепт русской культуры, «своеобразная форма государственной регистрации личного социального достоинства человека», регламентации, по мнению Ю.С. Степанова, «полностью утраченной в современной российской действительности» [Там же]. До Петра I главным критерием при выборе человека на службу было его проис-

хождение: «потомкам высшей аристократии дорога к высшим чинам открывалась независимо от их деловых качеств, поскольку чин практически передавался по наследству... Петровская Табель отменила устаревший порядок прохождения государственной службы... Новый порядок обеспечивал представителям неродового дворянства получение высоких чинов» [9. С. 764].

В том или ином виде Табель просуществовала вплоть до 1917 г. На протяжении этих двух веков в самодержавной России складывался и разрастался государственный аппарат: «Важнейшей функцией самодержавия была функция упорядочения общественной жизни, поддержания общественного порядка и законности. Для ее реализации сложился соответствующий бюрократический аппарат, состоящий из государственных чиновников. Громоздкость и неэффективность государственно-бюрократического аппарата царизма, продажность чиновников и другие недостатки сделали его излюбленной мишенью для критики со стороны интеллигенции. Особенно интенсивно эта критика развивалась в XIX — начале XX века» [12. С. 142].

Ю.С. Степанов отмечает, что в быту выражение «Табель о рангах» приобрело «отрицательное значение, как стремление делить людей по чинам вопреки их личностным достоинствам». После Октябрьской революции Табель была упразднена, а тех, кого до этого два века называли чиновниками, стали именоваться «номенклатурными работниками». Мы понимаем, что изменилась историческая действительность, потому вчерашний чиновник не есть сегодняшний номенклатурный работник, но это детали. Нас интересует другое, а именно: почему же почти век спустя после того, как слово «чиновник» перестало быть исторической реальностью, оно не уходит из языка, более того, употребляется довольно часто? Что в нем такого, чего нет в словосочетаниях «государственный служащий», «должностное лицо»?

Анализ толковых словарей современного русского языка показывает, что основное значение этого слова деактуализировалось, а вместо него появилось новое значение. Итак, какие значения можно найти у слова «чиновник» в словарях?

Вот что мы находим в Большом энциклопедическом словаре: «*В России государственный служащий, имевший определенный классный чин по Табели о рангах. Высшие чиновники (обычно 4—1 классов) неофициально назывались сановниками. В широком смысле — название и низших государственных служащих, не имевших чинов (канцеляристы, копиисты)*» [1. С. 1353].

В словаре Ожегова: 1) *В буржуазных странах и России до революции: государственный служащий, имеющий чин, служебное звание; 2) перен. Тот, кто ведет свою работу с холодным равнодушием, без интереса, бюрократически* [4. С. 768].

В словаре Ушакова: 1) *Государственный служащий (дореволюционное, заграничное); 2) перен. Человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ (укор.); 3) Архиерейский служебник, книга, по которой служит архиерей (церк.)* [12].

Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой дает следующие определения этому слову: 1) *государственный служащий в дореволюционной России*

и в буржуазных странах; 2) перен. должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле [7. С. 678].

Мы видим, что три последних словаря отмечают переносное значение этого слова, однако только в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой указано, что это «должностное лицо». Переносное значение этого слова появилось уже после того, как прямое значение утратило свою актуальность. Как нам представляется, современное значение слова «чиновник» в словарях Ушакова и Ожегова отображено не до конца точно: все же, не любой человек, равнодушно относящийся к своей работе, будет назван «чиновником». Конечно, еще Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Гончаров и многие другие классики русской литературы высмеивали такие качества, присущие чиновникам, как лень, невежество. В.Ф. Шаповалов пишет: «Недостатки административно-бюрократического аппарата царской России подверглись критике и осмеянию в русской классической литературе, прежде всего, в творчестве Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Однако совершенно неверно трактовать сатирическое изображение царских чиновников в произведениях этих писателей как призыв к свержению самодержавия. Сатира классиков была направлена на нравственные пороки лиц, находившихся на различных ступенях государственного управления» [12. С. 143].

Оценка российской бюрократии дореволюционного периода, впрочем, как и любого другого, довольно противоречива. Т.И. Любина объясняет это не только подчиненностью идеологическим и политическим целям, но и «отсутствием достоверных конкретно-исторических, статистических, социологических сведений о чиновничестве» [2. С. 4]. После образования Советского государства бюрократизм, который, как оказалось, был присущ не только Царской России, выдвинул на первый план проблему определения классовой природы бюрократии: «В 1920-е годы остроту этой проблеме придавала безуспешность попыток борьбы с проявлениями бюрократизма в советском государственном аппарате. Его причины виделись в приходе на службу в советские учреждения чиновников старого аппарата и в отсутствии “опыта государственной деятельности у передовых рабочих и революционеров-профессионалов”» [Там же]. Появилось понятие «номенклатура», которая, по мнению ряда исследователей советского тоталитаризма, стала «господствующим классом тоталитарного общества». Вот что об этом пишет В.Ф. Шаповалов: «В самом первом приближении это те самые “распорядители рабочих”, о которых пророчески писал Л. Толстой. Происхождение термина “номенклатура” связано с тем, что кандидаты на все руководящие посты предварительно “расписывались” партийными органами... Номенклатура представляла собой группы людей, повязанных между собой круговой порукой, подобно тому как это бывает в преступной среде... Соблюдающий... правила мог рассчитывать на свою долю в разделе государственного «пирога» — на особые квартиры, дачи, привилегии, в том числе пользоваться закрытыми распределителями, спецбольницами, спецсанаториями и т.п. ... Возможность корпоративно распоряжаться и не владеть — уникальная ситуация для общественного слоя. Она означала полную безответственность за провалы в экономике, за государственные злоупотребления» [12. С. 164—165].

В новом государстве, противопоставляющем себя государству предыдущему, тем не менее, обнаружилось многие недостатки, свойственные царской России, те недостатки, против которых так ожесточенно выступали противники самодержавия: разрыв между властью и народом, неравенство в распределении ресурсов, приоритет высших сословий и др.: «Люди легко убеждались в необязательности многих решений государства и партии для самой власти... Недоверие также основывалось на злоупотреблениях высокопоставленных партийных чиновников... Людей возмущали факты наличия партийных привилегий... Теперь под “они” понималась допущенная к государственной кормушке партийная номенклатура, под “мы” — весь остальной народ, не вошедший в число номенклатурных счастливых» [12. С. 200—201].

Какая же роль отводилось в этом процессе чиновничеству? Для ответа на этот вопрос необходимо отметить еще одну тенденцию, свойственную российской действительности, для которой государь, правитель имеют особенное место: «Речь идет о правителях вообще, а не только о монахах и самодержцах, вне зависимости от того, как они назывались — великий князь, царь, император и даже генеральный секретарь или президент» [5. С. 11]. Это — вера в справедливого, доброго «батьюшку-царя», который был помазанником Божиим, который служил российскому государству и российскому народу. Вероятно, такое отношение к правителю сформировалось после принятия при Иване III обряда миропомазания российских государей по византийскому образцу. Очень четко эту мысль сформулировала А.В. Павловская: «Освящение государственной власти в церкви не только укрепляло власть в глазах народа, оно возлагало особую ответственность на российского царя. Оно определяло и особое положение правителя России. Для Востока свойственно обожествление государя, он — бог, который может все. На Западе король прежде всего человек, политик, государственный деятель. В России же он — человек, но чья власть освящалась свыше, что возлагало на него особые требования и ответственность. Власть его как бы изначально ограничивалась более могущественной силой. Но это и ставило его в особое положение: бунт против царя становился бунтом против Бога» [5. С. 110]. Эта взаимозависимость религии и власти на протяжении многих лет формировала в России особое народное самосознание, основами которого были вера и патриотизм. Само слово «государь» является древнерусским вариантом общеславянского слова «господарь», которое, в свою очередь, имеет ту же производную основу, что и слово «Господь».

Такое отношение к правителю, государю неизменно приводило к мысли о том, что правитель всегда прав, что он действует в интересах российского народа, ведь служение ему приравнивалось чуть ли не к «церковному подвигу послушания». Потому если что-то шло не так, «значит виновато окружение правителя, мешающее ему, скрывающего от него правду, вредящее народу. Это окружение было разным в разные времена (бояре, помещики, чиновники), но именно оно являлось виновником, с народной точки зрения, всех бед в государстве. Отсюда и стремление дойти до самого верха, достучаться до правителя в поисках правды, открыть ему глаза, чтобы он покарал виновных» [5. С. 111]. Примером тому в российской истории множество: одним из самых ярких, пожалуй, является «Кровавое воскресенье» 1905 г., которое, по мнению некоторых исследователей, дало толчок

Первой русской революции. Эта тенденция оставалась и в советское время, когда на имя Сталина приходили письма, сообщающие о репрессиях. Видимо, сохраняется эта тенденция и сегодня.

В 1991 г. после распада Советского Союза «чиновники» получили новое название «государственные служащие». Почему мы сегодня продолжаем употреблять именно слово «чиновник», и что оно означает в современном русском языке?

Вероятный ответ на этот вопрос мы можем найти на «Луркоморье» — сайте неформальной юмористической интернет-энциклопедии: «Обычно под чиновником подразумевается государственный аналог офисного планктона: сотрудник учреждения, занимающийся делопроизводством или управлением. Отличительная черта чиновника — крайне низкое качество работы в обеих этих областях даже по сравнению с типичной планктониной» (1). Статья про чиновников на другом юмористическом сайте просто изобилует всеми возможными стереотипами: «чиновник не думает, он определяется», «чтобы чиновник что-то сделал — он ждет предложений», «круговорот бумаг у чиновника», «чтобы чиновник понял, что ему нужно делать — ему надо дать поручение», «быть ответственным исполнителем для чиновника — это самая тяжкая работа», «если ответственный исполнитель не справился с поставленной задачей в срок, он оправдывается или отписывается и получает новый срок», «ответственных исполнителей всегда не хватает, поэтому армия чиновников постоянно растет, ведь на каждую бумажку нужна резолюция, решение, определение, ответственный исполнитель и куратор», «чиновники используют дежурные фразы», от использования которых «мозг теряет извилины и возможность придумать что-то оригинальное — это против системы» и так далее (2). Мы видим здесь как раз новое, переносное значение, но имеющее ряд характеристик, не отображенных в словарях: должностное лицо, находящееся на государственной службе, выполняющее свою работу ненадлежащим образом, считающее себя представителем привилегированной части общества.

Еще один интернет-сайт дает более точное определение феномену современного чиновника: «Чиновник (лат. *Corrupticius tarakanus*) — появившийся на Земле в меловую эпоху особый вид саранчи, отличающийся гипердаптацией, гипермутацией, гиперпрожорливостью, гиперленью, гипержадностью, гиперциничностью и гиперживучестью» (3).

На уже упомянутом нами выше сайте Луркоморье предложено сравнение между чиновником и раковой клеткой.

«Чиновник: Потребляет ресурсы государства, не производя полезной работы, а тратя их исключительно на собственное жизнеобеспечение и размножение».

«Раковая клетка: Потребляет ресурсы организма, не производя полезной работы, а тратя их исключительно на собственное жизнеобеспечение и размножение».

Сразу стоит отметить, что не все цитаты с данного сайта могут быть указаны по этическим причинам (например, сравнение чиновничества и проституции), тем не менее, даже на этих примерах становится очевидной общая тональность: чиновника «не интересует качество делаемой им работы, равно как и долговременные перспективы вверенного ему под управление объекта. Ведь в случае чего он всегда

может перевестись в другое место, а украсть с объекта можно прямо сейчас. И, разумеется, он совершенно не интересуется тем, что будет со страной, за счет которой он живет».

Из приведенных выше отрывков мы можем вычлениить следующие компоненты смысла:

- чиновники глупы, безынициативны и неизобретательны;
- чиновники имеют крайне низкое качество работы, кроме того, не справляются с ней в срок;
- чиновников слишком много, и их «армия» постоянно растет;
- чиновники (как тараканы) живучи, легко адаптируются к новым условиям, быстро «множатся»;
- чиновники вредят русскому народу, именно они — корень всех бед;
- чиновники обворовывают страну, не ощущая своей ответственности за это;
- основная работа чиновников — переключивание бумажек, создание их круговорота.

Получается, что слово «чиновник» стало чуть ли не ругательным, стало нести в себе отрицательные коннотации. Для более четкого понимания заявленной проблематики невозможно не обращаться к живым людям, к «чиновникам», а точнее к государственным и муниципальным служащим. Что же говорит нам другая сторона?

В рамках проекта «Мировоззрение государственных и муниципальных служащих районного уровня в Российской Федерации: профессиональная этика, политические воззрения, особенности взаимодействия с центральной властью и местным населением» Центр методологии федеративных исследований РАНХиГС при Президенте РФ провел в 2012 г. серию интервью с государственными и муниципальными служащими. В этих интервью тема негативного отношения людей всплывала неоднократно. Чаще всего респонденты сами говорили об этом при разговоре на другие темы. Интервьюеры старались задавать этот вопрос в каждом интервью. Интересно отметить, что государственные служащие чаще говорят о негативном отношении к чиновникам, чем муниципальные. Приведем фрагмент интервью с муниципальным служащим.

И: Вы муниципальный служащий. А отношение, в целом, людей, например, населения по всему району к государственным муниципальным служащим, оно, скорее, отрицательное или положительное, на ваш взгляд?

Р: *Я не знаю. Я считаю, что у нас на селе как такого чиновники, не чиновники, это больше по телевизору идет. Потому что люди, прежде всего, когда приезжают на село, они видят в тебе человека, руководителя. А какой ты там служащий — государственный, муниципальный служащий. Они видят тебя, прежде всего, если ты помог им решить вопрос, значит, ты настоящий руководитель, ты можешь чем-то помочь, ты не остался безразличным к вопросу какому-то, просьбе, жалобе.*

И: Вообще вы не встречали к себе негативного отношения, что чиновник, руководитель какой-то?

Р: Нет. Такого нет, особенно *на селе такого не ощущаешь негатива большого.*

И: Почему так?

Р: Я считаю, что *более доброжелательные люди на селе*. И более относятся, если еще объяснишь им, более *просто по-человечески поговоришь*, то люди все понимают и более доброжелательно, добродушно настроены, чем в городе. В городе тоже приходится общаться с людьми. Люди более, как бы, добры, отзывчивы на чужое горе на селе.

(женщина, 40—50 лет, начальник управления, муниципальная служащая)

Из приведенного отрывка видно, что респондент сама перевела вопрос в более понятное русло: нейтральный вопрос об отношении к государственным и муниципальным служащим она трансформировала в более понятную форму, основанную на стереотипе «плохой чиновник». Далее она уже отвечала не на тот вопрос, который задал интервьюер, а на то, как она сама его поняла. Респондент также выделила ту роль, которые имеют СМИ в формировании данного образа. Важным для данного респондента, занимающего относительно высокую руководящую должность, является не то, какой ты служащий (имеется в виду название), а то, какой ты человек, какой ты руководитель. Именно на этом и строится, по ее мнению, взаимоотношения между представителем муниципалитета и людьми. Объяснение тому факту, что на селе меньше негативного отношения к «чиновникам», чем в городе, респондент объяснил большей доброжелательностью людей, возможности поговорить по-человечески, более добродушным настроем.

Тем не менее, чаще приходилось сталкиваться с тем, что государственные и муниципальные служащие ощущают на себе это негативное отношение, им не нравится даже само слово «чиновник».

И: ... Ну, Вас часто же, наверное, называют чиновником.

Р: *Не совсем хорошее это название.*

И: Не нравится?

Р: *Не нравится, по правде сказать — да, это да.*

И: Оно какое-то негативное немножко?

Р: *Негативное, да. И Вы знаете, еще хочу сказать, что отношение людей сейчас очень негативное к чиновнику.*

И: Да. А это справедливо, как Вы думаете?

Р: *Несправедливо.*

И: А из-за чего так происходит?

Р: *Несправедливо. Вот у меня такое желание есть, и я иногда некоторым людям предлагаю, когда начинают: вы такие, сякие. Я говорю: «Знаете, я вот всех, все работающее население прогнал бы через администрацию. Через одну администрацию и через вторую администрацию, чтобы поняли вообще, как, что значит — работать здесь, в администрации». Потому что у нас маленькая заработная плата, маленький, у нас, именно в городской администрации. У нас низкая заработная плата. Когда приходят ко мне и говорят. Я говорю: «Вы с какой?» — «Да вот, у меня там 25 тысяч было», допустим. Я говорю: «Вы знаете, у нас будете 15 получать». — «Ой, не-не». Я говорю...*

(мужчина, 50—60 лет, глава администрации)

Основной причиной негативного отношения людей к чиновникам данный респондент считает низкую осведомленность людей об условиях труда и уровне

зарплаты в администрации. По его мнению, такое отношение несправедливо, и когда люди узнают о низкой заработной плате в городской администрации, тогда они высказывают свое нежелание идти на такую работу. Получается, что личный опыт может сразу развенчать те стереотипы, которые сложились у людей.

Схожая ситуация произошла в семье у другого респондента.

«Вот мой муж... правильный до мозга костей. Чиновники все воры. У него было такое убеждение. Видя, как я работаю, когда прихожу домой непонятно в каком часу с чемоданом почты и не лягу пока все не распишу. У меня такой принцип, что все сегодняшние документы должны быть подписаны. Потому что очень много документов, иначе зашьешься. Он это видя, резко изменил мнение...»

(женщина, 40—45 лет, первый заместитель главы администрации, государственная служащая)

Этот респондент пришла на государственную службу из бизнеса. Она же отмечает, что не ожидала, что будет столько негатива.

«Когда я сюда пришла, настолько негативное отношение к чиновникам, не поверите, я на себя будто ушат чего-то вылила это эмоциональное такое ощущение. Зашла в это здание — ты в каком-то негативе борешься: а) чиновники — все воры, б) чиновники — все непорядочные. Я на себя этот мундир просто нацепила. Я даже не оправдываюсь, я просто говорю: друзья, у меня есть работа, я ее делаю. И вот уже по работе пусть судят».

(женщина, 40—45 лет, первый заместитель главы администрации, государственная служащая)

Роль СМИ в формировании негативного, стереотипизированного образа чиновника, якобы имеющего высокую зарплату, мы видим в высказывании другого респондента.

«У нас достаточно такое прочное отношение к чиновникам, ко всем, что они богатые, только для себя живут, что они ничего для людей так, по большому счету, ничего не хотят сделать, ленивые. Мне кажется, очень этот образ, и СМИ очень часто формирует его, — негативный. А ведь есть масса людей, которые действительно работают и помогают очень многим людям, помогают».

(женщина, 50—60 лет, главный специалист, государственная служащая)

Этот же респондент отмечает, что не любит говорить о том, где она работает.

«Если честно, я стараюсь не говорить, где я работаю... Потому что если ты скажешь, где ты работаешь, скажешь, что ты чиновник, что ты работаешь в областной структуре, ну не всегда видишь в свой адрес, чувствуешь какой-то позитив».

(женщина, 50—60 лет, главный специалист, государственная служащая)

Развенчивает миф о большом количестве льгот для государственных и муниципальных служащих следующий респондент. Он, опять же, указывает на ту роль, которую СМИ играют в формировании такого негативного образа чиновника.

И: А социальный пакет, какое-то медицинское обслуживание? Все так же, как и у всех простых людей? Или своя клиника есть ведомственная, именно для госслужащих?

Р: *Возможно, что где-то и есть, но мы никогда в этой клинике не были, ничего такого я сейчас не могу сказать.*

И: То есть, это действительно получается миф?

Р: *Да, я бы еще дополнил, конечно, у нас сейчас к чиновникам немножко негативное отношение. Получается, что...*

И: У людей?

Р: *У людей, да. Ну, это связано, прежде всего, со средствами массовой информации, которые нагнетают обстановку, так как у нас чиновник считается, прежде всего, коррупционером, взяточником. А на самом деле, это достаточно большой, ежедневный труд. У меня есть знакомые, которые работают в банковской системе, есть которые работают на предприятиях, на хороших предприятиях, которые отработали до шести часов и пошли домой. Мы же здесь работаем и за пределами рабочего времени, и на выходные берем, и очень заняты.*

(мужчина, 35—40 лет, государственный жилищный инспектор)

Мы столкнулись с еще одной интересной вещью: некоторые государственные и муниципальные служащие не пытаются бороться с этим стереотипом, во всяком случае, на словах. Другой респондент отмечает, что видит необходимость доказывать что-то только тем людям, которые готовы его услышать.

И: А когда в повседневной жизни вы сталкиваетесь с негативным отношением, бюрократами называют, взяточниками, вы пытаетесь как-то доказать, что это неправда?

Р: *Если это мой близкий круг общения, то я может попытаюсь заступиться. А если это на улице обсуждают бабушки — пусть обсуждают, я не полезу, потому что я в этом смысла не вижу, мне их не переубедить, они меня не знают и я их не знаю. Это бессмысленно. Я не люблю заниматься ерундой. А если люди, с которыми я общаюсь, я могу объяснить, почему и как, могу объяснить, почему я так голосую. У нас была встреча выпускников, я общался со своими сверстниками, это как раз было после выборов. И мы как раз затронули эту тему. Разные там были мнения, в том числе и на чиновников. Вот с ними я готов обсудить, высказать свою позицию, почему. Они со мной соглашаются или не соглашаются, но я хотя бы знаю, что они к сведению принимают мое мнение.*

(мужчина, 25—30 лет, начальник управления, государственный служащий)

В качестве одной из причин для появления данного негативного образа чиновника некоторые респонденты называют и неграмотность населения, неадекватные запросы последних к власти. Многие государственные и муниципальные служащие и рады бы помочь, но это не в их компетенции, и в итоге человек уходит расстроенный и обиженный на конкретного чиновника, который не может ему помочь не из-за своей лени или неделания, а в силу обстоятельств, которые от него не зависят.

И: Я поняла. А в целом отношение людей к чиновникам, на Ваш взгляд, положительное скорее или скорее отрицательное?

Р: *В целом, я считаю, что в настоящий момент отрицательное.*

И: А это с чем связано? И справедливо это или несправедливо?

Р: *Я считаю, что несправедливо, потому что большинство чиновников добросовестно выполняют свою работу, а в меру каких-то законов, действующих в на-*

стоящий момент, определенные полномочия не могут выполнить. Как у нас в этом году сложилась сложная ситуация с ремонтом дорог, а людям же это объясняй — не объяснишь. Они хотят видеть готовые дороги. Какая разница, что дорожно-транспортное предприятие развалилось как раз в канун сезона ремонтов, что там неопределенная ситуация. Другие подрядчики к нам не идут просто-напросто. Какая им разница, что они приводят, допустим, детей в школу, а там не сделан, может быть, ремонт в том виде, в котором бы им хотелось. А средств в бюджете нет, просто-напросто нет на этот ремонт. Им-то в принципе не объяснить, что их нет.

И: Я понимаю. То есть это в том числе и от юридической неграмотности, может быть, да? Или вообще от неграмотности, неосведомленности.

Р: *Неграмотности... От того, что люди, сейчас уже психология другая. Они считают, что власть обязана, должна. А у власти есть определенные трудности, которые, в принципе, решить бывает очень сложно. Из-за этого возникает такая ситуация.*

(женщина, 40—45 лет, председатель комитета, муниципальная служащая)

Один из респондентов указал такое отношение людей к власти, к чиновникам, в качестве одной из трудностей, с которыми приходится сталкиваться в работе.

И: Назовите, что самое сложное, трудное, может быть не очень приятное в Вашей работе?

Р: *То, что запросы людей к власти, к сожалению, не соответствуют возможностям власти по их реализации. Сейчас, все это отмечают объем, количество обращений к власти по различным проблемам (политическим, социальным, экономическим) очень возрос. Т.е. с развитием рыночных отношений, с усилением социальной дифференциации в обществе количество жалобчиков очень увеличивается. Это чисто просто отношения с людьми. И, к сожалению, многие вопросы, связаны с тем, что многие люди мыслят старыми стереотипами. Они обращаются к власти, как будто власть может решить. Например, мы средства областного бюджета можем тратить только на те полномочия, которые закреплены за администрацией. Поэтому когда обращаются «помочь муниципальному учреждению», просто администрация области не может, поэтому мы отправляем в администрацию муниципалитета, а люди потом кричат, что мы бюрократы, не можем помочь. Вот эта тема. Во-первых, непонимание, то есть старые стандарты мышления основной части населения, они считают, что по любому вопросу можно обратиться к губернатору, и он его должен и обязан его решить. И как только ты не решишь — ты сразу плохой.*

(мужчина, 40—45 лет, заместитель главы администрации)

Схожая мысль была высказана другим респондентом. Он обратил внимание на то, что люди не видят работу государственных служащих, а ориентируются, в первую очередь, на тех, с кем сталкиваются чаще всего — работников многофункциональных центров, работников одного окна, даже врачей и учителей. И тот негатив, который они могли испытать при общении с этими категориями служащих, они автоматически переносят на всю власть.

«К сожалению, люди не видят нашу работу, например. То есть советников каких-то там, каких-то стратегов, каких-то политологов кого-то еще. Те, которые

делают большую политику, делают что-то еще, вот, например, обрушилась какая-то тема на область — системно! И сделали какие-то люди, которых не видно. А люди, которые принимают людей, например, в Собесе, они тоже чиновники. **И для народа же чиновники все, начиная ...начиная с МФЦ, которые принимают, это Многофункциональные центры, Одно окно, и заканчивая губернатором! И это все — чиновники!** И вот они говорят, что нас там чиновники приняли плохо, и отправили куда-то еще, и не ту справку дали, и все! И я даже больше скажу, это даже и не то, что чиновники в МФЦ, а даже, наверное, прием врача, это государственники. Прием учителя, это государственники. И Пенсионные фонды, это до сих пор — государственники! То есть во всем виноват губернатор! А в целом — чиновники! Вот они гады, сволочи, эта власть!..».

(мужчина, 40—50 лет, председатель комитета, государственный служащий)

Все же многие согласны с тем, что прецедент для формирования такого негативного образа есть, что, действительно, есть недобросовестные государственные и муниципальные служащие, иначе этот образ не сформировался бы и не был так устойчив.

«Да, я знаю, что негативное отношение. Но я и говорю, просто люди вот, но это стереотипы. Вот просто есть такой стереотип, что чиновник, вот он там ничего не делает, берет взятки и хорошо живет. На самом деле, конечно, наверное, есть такие люди. Иначе бы, наверное, этот стереотип не возник, да?»

(женщина, 35—40 лет, заместитель председателя комитета, государственная служащая)

Конечно, некоторые служащие ощущают и свою собственную долю ответственности в формировании данного негативного образа.

«Но и кричать, что мы все хорошие тоже ни к чему. Ну мы сами виноваты, что так сложилось. В среде чиновников очень много не порядочных людей, как и в любой среде. Как и в среде учителей, медиков и т.д. Говорить об этом бесполезно, нужно только дело».

(женщина, 40—45 лет, первый заместитель главы администрации, государственная служащая)

Тем не менее, наличие недобросовестных людей, которые есть в любой профессии, не должно распространяться на всех государственных и муниципальных служащих. Многие респонденты отмечали, что им обидно за то, что многие люди, которые честно трудятся, помогают людям, имеют ненормированный график, страдают от недобросовестных людей. Происходит это потому, что народ обращает внимание только на негативные случаи, упуская из виду тех чиновников, которые помогают людям. Получается, что «паршивая овца все стадо портит».

«Видят-то только одного плохого, а 99 людей, которые действительно честно трудятся, честно, и которые получают не такое большое вознаграждение за свой труд. Нет, и я не думаю, что эти негативные явления так характерны для всех чиновников, нет. У нас вообще слово «чиновник» стало ругательством, а не должно быть. Чиновник — это человек, который должен помогать, и помогает людям».

(женщина, 50—60 лет, главный специалист, государственная служащая)

Проанализировав ряд интервью, мы можем прийти к выводу, что современной культуре слово «чиновник» имеет определенные коннотации. Государственные и муниципальные служащие, тех, кого сегодня называют «чиновнической средой», выступают как промежуточная инстанция между населением и властью. Именно с ними обычные люди сталкиваются в повседневности больше всего. По мнению В.Ф. Шаповалова, «одной из устойчивых черт российского менталитета следует признать ту, согласно которой власть в России воспринимается как нечто отчужденное от основной массы народа. Государственная власть — это всегда «они», а не «мы»... Такое отношение к государственной власти, характерное для дореволюционного периода, сохранилось и в советское время. Остается оно в целом таким же и в современной, постсоветской России. Конечно, для каждого из исторических периодов существовали свои причины отчуждения власти от общества. Однако привлекает внимание и сам факт устойчивости данного отношения к власти со стороны общества» [12. С. 197].

В этой связи представляется логичным появление переносного, негативного значения слова «чиновник», связанного именно с пороками чиновничьей среды. Именно потому остаются актуальными, как в речи, так и в сознании, чиновники как люди недалекие, невежественные, ленивые, ведь если слово в языке живет, значит, есть для этого причины. Ведь это как у В. Маяковского:

Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) URL: <http://lurkmore.to>
- (2) URL: <http://medvedkino.ru/blog/chinovniki>
- (3) URL: <http://absurdopedia.net>

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
- [2] *Любина Т.И.* Уездное чиновничество Тверской губернии в конце XIX — начале XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Тверь, 1997.
- [3] Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. — М.: Мысль, 2001. — Т. 2.
- [4] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. — 16-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1984.
- [5] *Павловская А.В.* Русский мир: характер, быт и нравы. — В 2 т. — М.: СЛОВО, 2009.
- [6] *Романович Н.А.* Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2009.
- [7] Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 4.

- [8] Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. — 2-е изд., испр. и доп. — Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАН-ПРИНТ, 1998.
- [9] *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. — Изд. 3-3, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2004.
- [10] Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. URL: http://mirslovarei.com/content_ushakov/chinovnik-135058.html
- [11] *Хан-Пира Эр.И.* Плеоназм и тавтология. Разные судьбы плеоназмов. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200301409>
- [12] *Шаповалов В.Ф.* Истоки и смысл российской цивилизации. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
- [13] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов. В 2 т. — 2-е изд. стереот. — М.: Русский язык, 1994. — Т. 2.

WHY DOES MODERN RUSSIA NEED THE WORD ‘CHINOVNIK’?

A.A. Ipatova

Chair of Linguistics and inter-cultural communication
Faculty of Foreign Languages and geographical studies
M.V. Lomonosov Moscow State University
Lomonosov ave., 31-1, Moscow, Russia, 119192

This article focuses on the word ‘chinovnik’, which ceased to be a historical term after the disintegration of the Russian empire and means an official who had a rank in tsarist Russia. Nevertheless, one century later, this word is frequently used in the modern Russian language, and mostly with a negative connotation. The author analyses the reasons for the new figurative meaning of the word ‘chinovnik’ and formulates the main notional elements of this concept. The article is based on the empirical material of interviews with state and municipal officials, where they speak about their attitude to the word ‘chinovnik’, as well as the attitude of ‘common’ people towards themselves that they experience in their work.

Key words: an official, state officials (functionaries), a public and municipal servant, the attitude towards the authorities.